

Ирвин Уэлш
Евротрэш

Ирвин Уэлш Евротрэш

Я был анти-всё и анти-все. Я не хотел видеть людей вокруг себя. Это отвращение не являлось какой-то большой и тревожной болезнью, оно было всего лишь зрелым признанием моей собственной психологической ранимости и нехватки качеств, необходимых для компаньонства. Мысли боролись за место в моем забитом мозгу так же, как я боролся, чтобы придать им же какой-нибудь порядок, который бы мог послужить мотивировкой в моей вялой жизни. Для других Амстердам был волшебным местом. Светлое лето, молодые люди, наслаждающиеся достопримечательностями города, олицетворяющего индивидуальную свободу. Для меня же он был слегка скучной серией размытых теней. Яркий солнечный свет вызывал у меня отвращение, я редко отваживался выходить из дома до наступления темноты. Днем я смотрел по телевизору программы на английском и голландском и курил марихуану. Рэб был менее чем гостеприимным хозяином. Даже не чувствуя глупости своего заявления, он проинформировал меня о том, что здесь в Амстердаме он известен под именем Робби. Неприязнь Рэба/Робби ко мне тлела, скрываясь за маской его лица, выкачивая кислород из маленькой комнатки, в которой я соорудил себе маленький диванчик. Я замечал, как мускулы его скул дергались в сдерживаемой ярости, когда он приходил домой — грязный, мрачный и усталый от тяжелой физической работы, чтобы найти меня, нежащегося перед теликом, с привычным косяком в руке. Я был обузой. Я был здесь всего пару недель, уже три недели как завязал. Мои физические симптомы пошли на убыль. Если ты можешь продержаться месяц, у тебя есть шанс. Все же, я чувствовал, что наступило время подыскать новую хату. Моя дружба с Рэбом (теперь, конечно, перерожденным в Робби) не могла бы пережить этот односторонний эксплуатационный способ общения, на котором я ее основал. Хуже было другое — мне было на все насрать. Одним вечером, примерно через две недели после того, как я поселился у него, он решил, что с него достаточно. «Когда ты начнешь искать работу, кореш?» — спросил он, с заметным напускным безразличием в голосе. «Я ищу, приятель. Вчера ходил в пару мест, посмотрел на то-се, понимаешь?» Неприкрытая ложь, которую я сказал с изобретательной откровенностью. Так мы и жили — напускная цивилизность в контексте обоюдного антагонизма.

Я сел на 17-ый трамвай, который останавливался рядом с маленьким депрессивным жилищем Рэба/Робби в западном секторе, чтобы добраться до центра. Ничего никогда не происходит в местах, схожих с тем, в котором я остановился, голландцы называют их Slotter Vaart. Везде панельные стены и бетон. Один бар, один супермаркет, один китайский ресторан. Все это могло быть где угодно. Всегда необходим центр города, чтобы уловить дух места. Я мог опять быть в Вестер Хэйлис или на Кингсмиде, в одном из тех мест, от которых я и убежал сюда. Только никуда я не убежал. Один мусорный бак для бродяг вблизи от action strasser ничем не отличается от множества других, и не важно, в каком городе он находится. В своем нынешнем душевном состоянии я ненавидел любое общение с людьми. И Амстердам — очень плохое место в такой ситуации. Не успел я задымить в Дамраке, как тут же ко мне пристали. Моей ошибкой было то, что я стал озираться по сторонам, пытаясь сориентироваться. «Француз? Американист? Англичанин?» — спросил меня мужик арабского вида. «Отъебись», — прошипел я. Даже когда я ушел от него в английский книжный магазин, я все еще мог слышать его голос, перечисляющий наркоту в ассортименте — «гашиш, героин, кокаин, экстази...» Во время своего изначально расслабляющего просмотра книг на полках я очутился прямо в середине внутренней дилеммы: украсть ли книжку? Решив этого не делать, я вышел, боясь, что желание станет неуправляемым. Чувствуя внутреннее удовлетворение, я перешел через Дам в глубь квартала красных фонарей. Холодные потемки опустились на город. Я прогуливался, наслаждаясь наступлением темноты. На боковой улочке, недалеко от канала, рядом с местом, где шлюхи сидят в окнах, мужчина шел навстречу мне с угрожающей скоростью. Я решил, что я схвачу его за шею и задую прямо здесь, если он попытается завести разговор со мной. Я сфокусировался на его кадыке с убийственными намерениями, и мое лицо скрутилось в презрительную усмешку, когда я увидел как его холодные змеиные глаза медленно наполнились пониманием моего настроения. «Время? У тебя есть часы?» — боязливо спросил он. Я сухо качнул головой, проходя мимо него, получая удовольствие от того, как ему пришлось выгнуть свое тело, чтобы остаться на тротуаре и не задеть меня.

На Вармestraat было уже не так легко. Молодая шпана устроила ряд битв — фэны Аякса и Зальцбурга. Кубок ФИФА. Честно. Я не мог вынести движения и криков. Мне были больше против-

ны шум и движение, чем сама угроза насилия. Следуя по линии наименьшего сопротивления, я свернул на боковую улочку в браун-бар. Это был тихий, спокойный райский уголок. Кроме темно-кожего мужика с желтыми зубами (я никогда не видел зубы настолько желтые), который увлеченно играл в пинболл, единственными обитателями этого места были бармен и женщина, сидящая на стуле у барной стойки. Они распивали бутылку текилы и их смех и интимное поведение указывали на то, что их отношения давно зашли за обычные отношения между барменом и клиентом. Бармен наливал женщине текилу. Они были слегка пьяны, демонстрируя окружающим свой приторный флирт. Мужчине потребовалось достаточно много времени, чтобы наконец заметить мое присутствие. На самом деле, женщине пришлось привлечь его внимание ко мне. В ответ он лишь смущенно пожал плечами, хотя было видно, что он не горел желанием обслужить меня. Я даже почувствовал, что я был для него неудобством. В некоторых душевных состояниях я был бы оскорблен этим пренебрежением и несомненно бы высказался. В некоторых других я бы сделал гораздо больше. В настоящий же момент я был рад своей незаметности, это подтверждало, что я был практически невидим, чего я и добивался. Я не обращал внимания на окружающий мир.

Я заказал Хайнекен. Женщина намеревалась затеять разговор со мной. Я был намерен избежать контакта. Мне нечего было сказать этим людям. «Ну и откуда же ты, с таким акцентом?» — посмеялась она, охватывая меня своим рентгеновским взглядом. Когда ее глаза встретились с моими, я тут же углядел тип человека, который, несмотря на свою кажущуюся дружелюбность, имеет инстинктивное желание манипулировать людьми. Возможно, я попросту видел свое отражение. Я улыбнулся: «Шотландия». «Ну да! Откуда из Шотландии? Глазго? Эдинбург?» «Честно говоря — отовсюду», — ответил я вкрадчиво и мягко. Какоезначение имело, через какие неразличимые говенные города и пристанища я пробирался, вырастая в этой скучной ужасной стране? И все же она засмеялась и даже на мгновение стала задумчивой, как будто я сказал что-то действительно стоящее. «Отовсюду», — повторила она, — «прямо как я. Отовсюду». Она представилась как Крисси. Ее бойфренда, или того, кто, основываясь на его неприкрытом интересе к ней, собирался стать ее бойфрендом, звали Ричардом. Из-за барной стойки Ричард украдкой кидал обиженные взгляды в мою сторону, пока я не повернулся лицом к нему, усмотрев выражение его лица в зеркале. Он ответил рывком головы с последующим «Привет», сбивчивым шипением и неловким пожатием своей крысиной бородки, растущей из лица, покрытого оспой, но не достигающей эффекта сокрытия, а, наоборот, подчеркивающей лунный пейзаж, из которого она росла. Крисси говорила в беспорядочной, беглой манере, высказываясь о мире и цитируя блеклые примеры из своей жизни в качестве доказательства своих суждений. Есть у меня привычка — смотреть на голые руки людей. Руки Крисси были покрыты следами заживших царапин, вроде тех, которые остаются после трансплантации тканей для сокрытия швов. Следы от порезов были еще более заметными, судя по их глубине и позиции, они были результатом само-ненависти или же разочарования, а никак не серьезной попыткой самоубийства. Ее лицо было открытым и живым, но ее глаза были водянистыми и потухшими, как у большинства травмированных людей. Я читал ее как потертую карту всех мест, в которых ты не хочешь побывать: большое увлечение, умственное расстройство, наркопсихоз, сексуальное насилие. В Крисси я видел кого-то, кому не нравился ни мир, ни она сама, и она пыталась решить проблему с помощью ебли и наркоты, не понимая, что она только осложняет себе жизнь, накапливая проблемы. Я и сам был знаком с некоторыми из тех мест, в которых побывала Крисси. Но она выглядела так, как будто она была очень плохо снаряжена для таких визитов и, скорее всего, она задерживалась намного дольше нужного. В настоящий же момент ее проблемы заключались в выпивке и Ричарде. Моей первой мыслью было то, что она заслуживала обоих. Крисси была достаточно омерзительной женщиной. Ее тело было покрыто слоем твердого жира вокруг живота и бедер. В ней я видел забитую женщину, единственным сопротивлением эффекту среднего возраста которой было решение носить одежду, которая была слишком облегающей и обнажающей для ее мясистой фигуры. Ее одутловатое лицо скомкалось в нечто флиртующее. Меня слегка поташнивало от этой женщины — она перешла границу привлекательности, но продолжала пытаться показывать сексуальный магнетизм, который она уже давно потеряла, как будто не видя гротескности и карикатуризма своих действий. Именно тогда, как парадоксально это не звучит, ужасный импульс, скорее всего берущий начало из внутренностей моих гениталий, поразил меня: этот человек, к которому я испытываю отвращение, эта женщина... станет моей любовницей. Почему это обязательно должно было случиться? Возможно, ответ в моей естественной извращенности, возможно, Крисси была тем странным местом, в котором встречаются отвращение и привлекательность. Может быть, я восхищался ее упрямому нежеланию признаться в

безжалостном сужении ее возможностей. Она вела себя так, как будто новые, будоражащие, восхитительные события ждали ее за углом, несмотря на все доказательства обратного. Я чувствовал беспричинное желание, как и обычно при встрече с таким типом людей, тряхануть ее и выкрикнуть правду ей в лицо: «Ты бесполезный, уродливый кусок мяса. Твоя жизнь была безнадежной и отвратительной до сих пор, и впредь она станет только хуже. Перестань лгать самой себе». Конфликтующая масса эмоций, я активно презирал кого-то и одновременно планировал соблазнение. Только гораздо позже я осознал, к своему ужасу и стыду, что эти чувства ни капли не конфликтовали. Но в то время я не был уверен, флиртовала ли Крисси со мной или лишь поддразнивала прыщавого Ричарда. Возможно, она и сама не была уверена. «Мы завтра едем на море. Ты просто обязан поехать с нами», — сказала она. «С удовольствием», — я щедро улыбнулся, заметив, как лицо Ричарда потеряло цвет. «Мне, возможно, придется работать...» — он нервно заикнулся. «Ну, тогда, если ты нас не повезешь, мы поедem сами!» — она жеманноулыбнулась, имитируя маленькую девочку — тактика, часто используемая шлюхами, которой она, несомненно, когда-то была, пока у нее была внешность, за которую платили. Получается, что я врвался в открытые ворота. Мы выпили еще и поговорили, пока все более нервный Ричард не закрыл бар; тогда мы пошли в кафе немножко подышать. Время нашего завтрашнего свидания было окончательно закреплено; я жертвовал своей ночной жизнью ради дня пляжных развлечений с Крисси и Ричардом.

На следующий день, пока он вез нас на пляж, Ричард вел себя очень сдержанно. Я получал удовольствие, смотря, как костяшки его пальцев белели, впиваясь в руль, когда Крисси, изогнувшись через переднее сиденье, завела со мной фривольный и слегка кокетливый разговор. Любая глупая шутка или несмешной анекдот, который слетал с моих ленивых губ, встречался приступами неистового хохота со стороны Крисси, в то время как Ричард страдал в неудобном молчании. Я чувствовал, как его ненависть ко мне возрастала рывками, сокрушая его, срывая его дыхание, помутив его мысли. Я чувствовал себя как маленький мальчик, увеличивающий громкость на телевизоре с единственной целью — разозлить взрослых. Он неумышленно получил некоторое подобие возмездия, когда вставил кассету с «Карпентерс» в магнитофон. Я корчился от дискомфорта, пока они с Крисси хором подпевали. «Такая ужасная потеря, Кэрен Карпентер», — серьезно сказала она. Ричард кивнул, угрюмо соглашаясь. «Жалко, не правда ли, Юан?» — спросила Крисси, желая включить меня в их странный фестиваль грусти по поводу этой мертвой поп-звезды. Я улыбнулся в доброжелательной, но слегка безразличной манере. «Мне насрать. По всему миру живут люди, которым нечего есть. Почему я должен испытывать сожаление по поводу привилегированной долбанутой янки, которая слишком трахнута для того, чтобы донести ложку жратвы до своего рта?» Последовало удивленное молчание. В конце концов Крисси запричитала: «У тебя гадкий, циничный ум, Юан!» Ричард чисто-сердечно согласился, не в силах скрыть свое удовольствие от того, что я расстроил ее. Он даже стал подпевать песенке «Top of the World». После этого они с Крисси начали что-то говорить на голландском и смеяться. Меня не возмутило это временное исключение из их разговора. По правде, я наслаждался их реакцией. Ричард попросту не понимал тип таких людей, как Крисси. Я чувствовал, что она испытывала волшебное влечение к уродству и цинизму, потому что она считала себя способной изменить людей. Во мне она видела вызов. Раболопное поклонение Ричарда иногда забавляло ее, но все же он был подобно коротким каникулам — со временем скучным и пресным. Пытаясь стать тем, кем, по его мнению, она хочет его видеть, он не оставил ей ничего для улучшения, не давая ей возможности оказать действительно сильное влияние на их отношения. До лучших времен она будет держать этого дурака поблизости для удовлетворения своего тщеславия.

Мы лежали на пляже. Мы кидали мяч друг другу. Это было некоей карикатурой того, что люди делают на пляже. Я начал чувствовать себя неудобно от этой ситуации и жары и пошел лежать в тень. Ричард бегал вокруг в своих обрезанных джинсах; загорелый и накачанный, несмотря на слегка надутый живот. Крисси выглядела смущающе дряблой. Когда она пошла за мороженым, первый раз за все время нашего знакомства оставляя нас наедине с Ричардом, я почувствовал себя слегка неудобно. «Она классная!» — с энтузиазмом возгласил он. Я с неохотой улыбнулся. «Крисси многое пережила.» «Да», — согласился я. Это я уже и сам понял. «Я к ней отношусь совсем не так, как к другим женщинам. Я знаю ее очень давно. Иногда мне кажется, что ее надо защищать от нее самой.» «Это слишком концептуально для меня, Ричард.» «Ты знаешь, о чем я. Ты прикрываешь руки.» Я почувствовал, как моя нижняя губа слегка искривилась, показывая обиду. Это было детской, полностью нечестной ответной реакцией кого-то, кто на самом деле не был обижен, но делает вид, что обижен, чтобы оправдать грядущую агрессию к собеседнику или заставить его остановиться. Для

меня такое поведение было вторым «я». Мне нравилось то, что он чувствовал, что понимает меня; с иллюзией силы надо мной он станет дерзким и потому неосторожным. А я выберу момент и вырву из него сердце. Это не было такой уж сложной задачей, находясь здесь, сидя на рукаве его рубашке. Во всей этой ситуации мои с Ричардом отношения были настолько же важны, насколько и отношения между мной и Крисси — в каком-то смысле она была местом битвы, на котором развернулась наша дуэль. Наша естественная антипатия, сложившаяся при первой встрече, прошла инкубационный период в близком контакте. За поразительно короткое время она распустилась в полноценную ненависть. Ричард несколько не раскаивался в своем недипломатичном комментарии. Совсем наоборот, он продолжил атаку, желая создать из меня человека, которого было бы легче ненавидеть: «Мы, голландцы были в Южной Африке. Вы, британцы, угнетали нас. Вы засунули нас в концлагеря. Вы придумали концлагеря, а не нацисты. Это вы их научили этому, так же, как вы их научили геноциду. Вы были более эффективны в этом деле с Маори в Новой Зеландии, чем Гитлер с евреями. Я не пытаюсь оправдать то, что буры делают в Южной Африке. Никогда. Но вы, британцы, заложили ненависть в их сердца, сделали их неуправляемыми. Угнетение порождает угнетение, а не разрешение проблемы». Я почувствовал прилив злости. Я почти возжелал броситься в торжественную речь о том, что я на самом деле шотландец, и Шотландия была последней оккупированной колонией Британской Империи. Хотя я сам в это особенно не верю — шотландцы угнетают сами себя, с их одержимостью по поводу англичан, которая и является поводом для злости, страха, раболепства, зависимости и презрения. Но я не собирался ввязываться в спор с этим придурком. «Не могу сказать, что знаю много о политике, Ричард. И все же, мне кажется, что твой анализ слегка субъективен». Я встал, улыбаясь Крисси, которая вернулась со стаканчиками с Хаген-Дазом.

«Ты знаешь кто ты, Юан? Знаешь?» — она прямо заигрывала. Крисси явно хорошо продумала ход действий, пока ходила за десертом. Теперь она обрушит свои наблюдения на нас. Я пожал плечами. «Посмотри на него. Мистер Крутой. Был везде, делал все. Ты же точно такой же, как Ричард и я. Бездельничаешь и гуляешь. Куда это ты собирался ехать после Амстердама?» «В Ибицу или Римини», — ответил я. «Туда, где рейверские тусовки и экстази», — заявила она. «Там хорошие тусовки», — кивнул я, — «да и побезопаснее винта». «Это, может, и правда», — сказала она раздражительно, — «но ты просто евротрэш, Юан. Мы тут все такие. Сюда примывает всякую мразь. Амстердамский порт. Мусорный ящик для европейского мусора». Я улыбнулся и достал новую бутылку Хайнекена из корзинки Ричарда. «За это стоит выпить. За Евротрэш!» — произнес я свой тост. Крисси с большим энтузиазмом ударила своей бутылкой по моей. Ричард с легкой неохотой присоединился к нам. Ричард, конечно же, бы голландцем, но акцент Крисси было гораздо сложнее определить. Иногда мне казалось, что у нее был Ливерпульский выговор, говорящий о том, что она могла принадлежать к английскому или французскому зажиточному классу, хотя я был уверен, что этот акцент был напускным. И все же я не собирался спрашивать ее лишь для того, чтобы она могла сказать: отовсюду.

Когда мы вернулись в Дам, я увидел, что Ричард боялся худшего. В баре он тщетно пытался спойти нас алкоголем, отчаянно стараясь свести то, что должно было случиться, к нулю. Его лицо приобрело измученное выражение. Я собирался домой вместе с Крисси. Это было настолько очевидно, что она могла с таким же успехом дать объявление в газете. «Я так устала», — с зевком сказала она, — «это все морской воздух. Проводишь меня домой, Юан?» «Почему бы тебе не подождать, пока я закончу работу?» — Ричард был в отчаянии. «О, Ричард. Я так устала. Не беспокойся, Юан доведет меня до станции. Да?» «Где ты живешь?» — Ричард прервал ее, обращаясь ко мне, пытаясь получить хоть долю контроля над событиями. Я приподнял ладонь руки, останавливая его вопросы, и повернулся назад к Крисси. «Это самое меньшее, что я могу сделать после того, что вы с Ричардом сделали для меня сегодня. Кроме того, мне тоже пора спать», — продолжил я низким, маслянистым голосом, позволяя легкой усталой улыбке появиться на моем лице. Крисси чмокнула Ричарда в щеку. «Я позвоню тебе завтра, милый», — сказала она, осматривая его так, как мать смотрит на мрачного ребенка. «Спокойной ночи, Ричард», — улыбнулся я, когда мы уже уходили. Я распахнул дверь для Крисси, и когда она вышла, я оглянулся назад, чтобы посмотреть на измученного идиота за барной стойкой, подмигнул и приподнял брови: «Приятных сновидений.»

Мы прошли через район красных фонарей, через каналы Вурбург и Ахтербург, наслаждаясь свежим воздухом и суматохой. «Ричард безумно ревнив. Это раздражает», — задумчиво сказала Крисси. «Уверен, что его сердце в нужном месте», — сказал я. Мы прошли к центральной станции в полнейшей тишине, дойдя до того места, где останавливался трамвай Крисси. Она жила прямо за

стадионом Аякса. Я решил, что пришло время огласить мои намерения. Я повернулся к ней и сказал: «Крисси, я хочу провести эту ночь с тобой». Она повернулась ко мне, глаза полузакрыты, челюсть немного выдавалась вперед. «Я думала, что ты захочешь», — самодовольно ответила она. Она обладала просто потрясающим высокомерием. Дилер, стоявший на мосту над Ахтербургским каналом, выловил нас своим взглядом. Показывая хорошее чувство нужного момента и обладая отличным знанием рынка, он прошипел: «экстази для секса». Крисси удивленно вскинула брови и стала было останавливаться, но я повел ее дальше. Люди говорят, что экстази хорош для траханья, но лично я под экстази могу только танцевать и обнимать незнакомых людей. Да и вообще, мой последний раз был так давно, что мои яйца попросту разрывались от желания. Последнее, что мне было нужно, так это афродизиак. Крисси мне не нравилась. Мне нужно было трахнуться. Все было настолько просто. Героин часто накладывает сексуальный мораторий на пользователя и послегероинового сексуального пробуждения захватывает тебя без всякого разбора — зуд, который только и ждет, чтобы его почесали. Мне надоело сидеть и дрожить в передней Рэба/Робби, распространяя затхлый мускатный запах спермы, смешивающейся с дымом гашиша. Крисси делила квартиру со слегка нервной и вполне смазливой девочкой — Маргрит, которая постоянно кусала свои ногти, закусывала нижнюю губу и говорила на беглом голландском и медленном английском. Мы немножко поболтали, потом мы с Крисси направились к кровати в ее светлой спальне. Я начал целовать и трогать ее, мысли о Ричарде не покидали меня ни на секунду. Я не хотел сексуальных игр, я не хотел заниматься любовью, не с этой женщиной. Я хотел трахнуть ее. Сейчас же. Единственной причиной, по которой я лапал ее, был Ричард. Я решил, что, потратив время на это, я добьюсь большего контроля над ней, тем самым получив возможность доставить ему больше неприятностей. «Трахни меня...» — прошептала она. Я откинул одеяло и против желания скривился, увидев ее влагище. Оно было ужасным: воспаленное и в шрамах. Она слегка смутилась и застенчиво объяснила: «Мы с подружкой играли в игры... с пивными бутылками. Просто все немножко вышло из под контроля. У меня здесь все воспалено...» — она потеряла свою промежность, — «трахни меня в задницу, Юан, мне это нравится. У меня тут есть вазелин». Она нагнулась над спальным столиком и вытащила банку с КУ. Она начала намазывать мой затвердевший член. «Ты ведь не будешь возражать? Засунуть мне в задницу? Давай любить друг друга как животные, Юан... мы и есть животные, евротраш, помнишь?» Она перевернулась и стала намазывать вазелином свою задницу, начиная со складки задницы, а затем и саму дырку. Когда она закончила, я засунул ей палец, проверяя на дерьмо. Против анального секса я ничего не имею, но я терпеть не могу дерьма. Дырка была чистой, кроме того, гораздо симпатичнее ее пизды. Ее будет гораздо приятнее трахать в задницу, чем в разорванную, исчерченную шрамами щелку. Игры со щелкой. Пошло все это нахуй. С Маргрит? Уверен, что нет! Даже не принимая во внимание эстетическую сторону вопроса, я боялся кастрации, представляя ее дырку полной битого стекла. Я смирюсь с задницей. Она, несомненно, делала это раньше, много, много раз — настолько легко я вошел в ее задницу. Я схватил ее тяжелый зад обеими руками, в то время как ее отвратное тело прогибалось передо мной. Думая о Ричарде, я прошептал ей: «Я думаю, что тебя надо защищать от тебя самой». Я агрессивно двигался и был шокирован, увидев свое отражение в зеркале — перекошенное, ухмыляющееся, уродливое. Энергично потирая свою воспаленную пизду, Крисси кончила, ее толстые складки болтались со стороны в сторону, когда я запустил свою струю ей в ректум. После секса я почувствовал сильное отвращение к ней. Просто лежать рядом с ней требовало от меня невероятных усилий. Тошнота почти овладела мной. В какой-то момент я попытался отвернуться от нее, но она обняла меня своими большими рыхлыми руками и прижала к своим грудям. Я просто лежал, потев холодным потом, переполненный само-отвращением, сжатый между ее грудей, которые были на удивление маленькими для ее телосложения.

В течение недель мы с Крисси продолжали трахаться всегда точно так же. Обидчивость Ричарда увеличивалась прямо пропорционально этим сексуальным занятиям, потому что, хотя я и согласился не рассказывать Ричарду о наших с Крисси отношениях, отношения наши были более или менее открытым секретом. При любых других обстоятельствах я бы несомненно настаивал на прояснении роли этого мягкотелого дурачка. В данном случае я уже планировал отделить себя от Крисси. Для того, чтобы это было легче сделать, лучше всего было держать Крисси и Ричарда вместе. Странно было то, что у них, казалось, не было друзей, только поверхностные знакомства с такими типами, как Сайрус, мужик, который играл в пинболл в баре Ричарда. Принимая это во внимание, последнее, что я хотел сделать — это настроить их друг против друга. Если это произойдет, я никогда не смогу избавиться от Крисси, не доставив сучке сильной боли. Какие бы у нее не были недос-

татки, этого ей больше не надо было. Я не дурил голову Крисси; и я сейчас не пытаюсь оправдаться перед своей совестью. Я могу это сказать с полной уверенностью и я очень ясно помню наш разговор в кафе на Утрехтестраат. Крисси строила самонадеянные планы о том, как я перееду жить к ней и буду помогать ей по хозяйству. Это было вызывающе неуместным. Тут я сказал ей прямо то, что говорил ей своим поведением в течение всего нашего знакомства. Если бы только она удосужилась увидеть это. «Не ожидай от меня того, чего я не могу тебе дать, Крисси. Ты тут, конечно, не при чем. Все дело во мне. Я не могу быть частью серьезных отношений. Я никогда не могу стать тем, кем ты хочешь меня видеть. Я могу быть другом. Мы можем трахаться. Но не проси меня дать тебе нечто большее. Я не могу». «Кто-то, должно быть, причинил тебе сильную боль», — сказала она, покачивая головой, выдыхая анашовый дым. Она пыталась превратить свое чувство обиды в жалость ко мне, и у нее это плохо получалось. Я помню наш разговор в кафе так хорошо потому, что он произвел на нее совершенно противоположный эффект, нежели я рассчитывал. Ее стало тянуть ко мне еще сильнее; я как будто бросил ей новый вызов. Все, что я сказал, было правдой, но, возможно, не полной правдой. Я не мог дать Крисси нечто большее. Никогда нельзя соорудить чувства там, где их нет. Но наступило время перемен. Я почувствовал себя физически и душевно сильнее, почувствовал готовность открыть свою душу, почувствовал готовым отбросить неприступную скорлупу мрачности. Оставалось только найти подходящего человека.

Я получил работу секретаря-портье в маленьком отеле на Дамраке. Работать надо было долго, без всякого общения. Много времени я проводил за чтением или просмотром телепрограмм, час-тенько шикая на молодого пьяницу или обдолбанных гостей, которые бродили по отелю в любое время дня и ночи. Днем же я посещал уроки голландского.

К облегчению Рэба/Робби я съехал с его хаты и поселился в комнате в симпатичном домике на узеньком канале Йордаан. Домик был новым, недавно полностью перестроенным по причине того, что предыдущее здание обвалилось и съехало в рыхлый песок Амстердамской почвы, но, несмотря на новизну, он был построен в сдержанном стиле, чтобы быть похожим на своих соседей. Рента была на удивление приемлемой. После того, как я переехал, Рэб/Робби опять стал ходить на моего давнего друга. Он стал более дружелюбным и общительным по отношению ко мне, приглашал меня выпить или покурить, познакомиться с его друзьями, которых до этого он держал подальше от меня, боясь что они будут испорчены этим наркоманом. Все его друзья как будто были телепортированы прямиком из шестидесятых, подобающе одевались, курили гашиш и до смерти боялись «тяжелой наркоты». Хотя у меня не было так много свободного времени, мне было приятно по новой наладить отношения с Рэбом/Робби.

Одним субботним утром мы сидели в кафе Флойд и наконец почувствовали себя вполне комфортабельно для того, чтобы выложить свои карты на стол. «Я рад видеть, что ты наконец прочистил голову», — сказал он. — Ты был в полной жопе, когда ты только приехал сюда. «Спасибо тебе за то, что ты мирился со мной, Рэб... Робби, но ты был не самым гостеприимным хозяином, должен тебе сказать. У тебя была такая кислая физиономия, когда ты возвращался домой». Он улыбнулся. «Я понимаю о чем ты говоришь. Наверно, я заставил тебя чувствовать себя еще хуже. Но ты испугал меня, понимаешь? Работаю, как последний пидар весь день и прихожу домой, чтобы наблюдать за тем, как этот обдолбанный говнюк только и делает, что обкуривается шалой... ты понимаешь, я думал, что я серьезно попал». «Да. Я думаю, что я воспользовался твоим гостеприимством». «Да нет. Ты не был настолько плох», — заключил он, весь разнеженный отнашего разговора, — «я был слишком холодным. Просто, ты знаешь, я такой парень, которому нужно иногда побыть одному, понимаешь?» «Я могу понять это, приятель», — сказал я, проглатывая кусок космопирога, — «я принимаю твои космические волны». Рэб/Робби засмеялся и сильно затынулся. Он вообще раздобрел. «Ты знаешь, я ведь точно вел себя как говнюк. Весь этот бред с Робби. Зови меня так, как ты меня всегда звал. Как в Шотландии, Толлкроссе. Рэб. Вот кто я. Вот кем я всегда буду. Рэб Доран. Бунтовщики Толлкросса. БТК. Пиздатые были времена, кореш? То были отчаянные времена. Но дом всегда кажется симпатичнее тогда, когда ты далеко, в особенности через фильтр анаши».

Я присоединился к его воспоминаниям, и мы погрузились о прошлом и выкурили еще пару косяков перед тем, как отправиться по барам, где мы нажрались текилы.

Несмотря на повторное укрепление нашей дружбы с Рэбом, я проводил с ним очень мало времени, основной причиной тому была работа. Днем, когда я не работал, я ходил в языковую школу, качался или спал перед ночной сменой. Одну женщину, которая жила в нашей квартире, звали Валерия. Она помогала мне осваивать голландский, в изучении которого я начинал добиваться больших

успехов. Мое знание разговорных французского, испанского и немецкого тоже сильно улучшилось из-за большого количества туристов, с которыми мне приходилось общаться в отеле. Валерия стала хорошим другом; что важнее — у нее была подруга по имени Анна, в которую я влюбился. Это было прекрасное время. Моя циничность испарилась и жизнь стала казаться полной приключений и неограниченных возможностей. Само собой разумеется, я перестал встречаться с Крисси и Ричардом и вообще не появлялся в районе красных фонарей. Они казались остатками противного и грязного периода моей жизни, периода, с которым я навсегда покончил. Я больше не испытывал желания и надобности намазывать свой член вазелином, чтобы погрузить его в рыхлую задницу Крисси. У меня была красивая молодая подруга, с которой я мог заниматься сексом, и именно этим мы и занимались большую часть дня перед тем, как я выходил на свою вечернюю работу. Без преувеличения, жизнь была идиллической на протяжении всего лета. Все это изменилось одним днем; теплым, ясным днем, когда мы с Анной сидели на центральной площади.

Я весь сжался, когда увидел Крисси. Она направлялась в нашу сторону. На ней были солнечные очки и она казалась еще более ожиревшей, чем раньше. Она была нарочито вежливой и настояла на том, чтобы мы сходили в бар Ричарда на Вормесстраат и пропустили по маленькой. Я согласился с неохотой, решив, что отказ может послужить причиной истерики. Ричард был очень рад тому, что у меня подруга и она не Крисси. Я никогда не видел его более открытым. Я чувствовал себя слегка виноватым за то, что подверг его таким пыткам. Он рассказал мне про свой родной город — Утрехт. «Какие известные люди жили в Утрехте?» — слегка поддел я его. «Куча народа». «Да? Назови одного». «Гммм... ну, Геральд Ваненберг». Крисси злобно посмотрела на нас. «Какой такой ебанный Геральд Ваненберг?» — сухо сказала она, повернулась к Анне и подняла брови, как будто мы с Ричардом сказали какую-то глупость. «Известный футболист», — промычал Ричард. Пытаясь разрядить обстановку, он добавил: «Он когда-то встречался с моей сестрой». «Могу поспорить, ты бы хотел, чтобы он не с ней, а с тобой встречался», — зло ответила Крисси. На некоторое время воцарилось зловещее молчание, пока Ричард не принес рюмки с текилой. Крисси все время крутилась вокруг Анны. Она поглаживала ее руки, не переставая говорить ей, какая она красивая и стройная. Анна скорее всего смутилась, но не подавала виду. Мне была неприятна эта толстая баба, трогающая мою подругу. Она становилась все более агрессивной, с каждой выпитой рюмкой. Вскоре она начала расспрашивать, как у меня дела, чем я сейчас занимаюсь. Ее тон был вызывающим. «Вот только мы его почти не видим в последнее время, да, Ричард?» «Успокойся, Крисси», — неловко ответил Ричард. Крисси погладила Анну по щеке. Анна слегка улыбнулась, почувствовав неловкость. «Он тебя трахает так же, как меня? В твою розовенькую попку?», — спросила она. У меня было такое чувство, как будто кто-то сорвал кожу с моих костей. Лицо Анны исказилось, и она повернулась ко мне: «Я думаю, что нам лучше уйти». Крисси швырнула в меня пивной кружкой и стала орать на меня. Ричард вцепился в нее, не отпуская от барной стойки, иначе бы она вцепилась в меня. **ЗАБИРАЙ СВОЮ МАЛЕНЬКУЮ ШЛЮХУ И УЕБЫВАЙ! НАСТОЯЩИЕ БАБЫ ТЕБЕ НЕ ПО ДУШЕ, ГРЕБАНЫЙ НАРКОША! ТЫ ЕЙ ПОКАЗЫВАЛ СВОИ РУКИ?»** «Крисси...» — тихо возразил я. **«УЕБЫВАЙ! ИДИ НА ХУЙ! ТРАХАЙ СВОЮ МАЛЕНЬКУЮ ДЕВОЧКУ, ЕБАНЫЙ ПЕДОФИЛ! Я НАСТОЯЩАЯ, Я НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА, ПРИДУРОК!»** Я буквально вытолкнул Анну из бара. Сайрус обнажил свои желтые зубы и невозмутимо пожал своими широкими плечами. Я обернулся и увидел, как Ричард успокаивает Крисси. «Я настоящая, не какая-то маленькая девочка». «Ты прекрасна, Крисси. Самая прекрасная», — нежно говорил Ричард.

В какой-то степени это был удачный день. Мы с Анной зашли в бар, и я рассказал ей всю правду про Ричарда и Крисси, не утаивая ничего. Я рассказал ей как херово я себя чувствовал, и как, хотя я ничего ей не обещал, плохо вел себя с Крисси. Анна все поняла и мы решили забыть этот эпизод. В результате нашего разговора я почувствовал себя еще лучше, моя последняя Амстердамская проблема разрешилась. Возможно, это покажется странным, но когда я услышал о том, что из Устердока, рядом с центральной станцией, выловили тело женщины, я сразу же подумал о Крисси. Правда, я быстро забыл об этом.

Я наслаждался жизнью или хотя бы пытался, несмотря на то, что обстоятельства работали против меня. Анна поступила в колледж на модельера, и из-за моей ночной работы мы стали вести параллельные жизни, поэтому я всерьез подумывал подыскать себе другую работу. К тому же я накопил внушительную сумму гульденов.

Я в раздумьях валялся на диване, когда услышал настойчивый стук в дверь. Это был Ричард, и как только я открыл дверь, он плюнул мне в лицо. Я был слишком удивлен для того, чтобы почувст-

зовать злость. «Ты убийца!» — прошипел он. «Что?» Я уже знал, что он скажет, но все еще не мог понять. Тысяча импульсов заполнили мое тело, полностью его иммобилизируя. «Крисси мертва». «Устердок... Это была Крисси...» «Да, это была Крисси. Теперь ты рад?» «НЕТ, мужик. НЕТ!» — запротестовал я. «Лжец! Долбанный лицемер! Обращался с ней как с дерьмом. Ты и остальные. Использовал ее и выкинул, как грязную тряпку. Воспользовался ее слабостью, ее желанием открыться. Такие люди, как ты, всегда так себя ведут». «Нет! Это было совсем не так», — с мольбой произнес я, зная, что все было точно так, как он описал. Он молча стоял и смотрел на меня. У меня было такое чувство, что он смотрел в глубь меня, усмотрев что-то, что я не мог увидеть сам. Я прервал молчание первым: «Я хочу пойти на похороны, Ричард». Он жестоко ухмыльнулся. «В Джерси? Ты же туда не поедешь!» «Нормандские острова...» — сказал я, слегка колеблясь. Я не знал, что Крисси была оттуда. «Я поеду», — сказал я ему. Я твердо решил поехать. Я чувствовал вину. Я должен поехать. Ричард окинул меня взглядом, затем начал говорить тихим, дрожащим голосом: «Святой Хелье, Джерси. Дом Роберта Ле Маршана, отца Крисси. Следующий вторник. Ее сестра уже там, она занималась перевозкой тела». «Я хочу поехать. Ты?» Он горько усмехнулся. «Нет. Она мертва. Я хотел ей помочь когда она была жива». Он повернулся и пошел прочь. Я смотрел на него, пока его спина не растворилась в темноте, затем вернулся в квартиру, чувствуя неприятную дрожь. Мне нужно было добраться до острова Святого Хелье ко вторнику. Местонахождение Ле Маршана можно будет выяснить позднее, когда я доберусь до острова.

Анна захотела поехать вместе со мной. Я сказал ей, что это будет неприятное путешествие, но она настояла на своем. Сопровождаемый Анной и чувством вины, которое, казалось, облепило арендованную мной машину, я проехал через Голландию, Бельгию и Францию к маленькому порту Святого Мальо. Я думал о Крисси и других вещах, о которых раньше и не задумывался. Начал думать о Европейской интеграции, пытаюсь понять, хорошо это или плохо. Я пытался объединить сладкую картинку, обрисованную европолитиками, с тем, что увидел, проезжая по уродливым дорогам Европы; реальность, абсурдно несовместимая с неминуемым политическим объединением. Версия политиков казалась еще одной мошеннической схемой для получения денег и власти. Пока мы не достигли Св. Мальо, мы обедали в тусклых заведениях рядом с шоссе. По приезде мы сняли комнатку в дешевом отеле и я нажрался как свинья. Следующим утром мы на пароме отправились в Джерси. Мы прибыли в понедельник и еще раз сняли комнату в отеле. В Jersey Evening Post не было никаких объявлений о похоронах. Я достал телефонный справочник и нашел Ле Маршана. В справочнике их было шесть, но только один — Р.

Мужчина поднял трубку. «Алло?» «Алло. Я хотел бы поговорить с Робертом Ле Маршаном». «Я Вас слушаю». «Извините за беспокойство, но мы друзья Крисси и приехали из Голландии на похороны. Мы знаем, что все запланировано на завтра, мы бы хотели присутствовать». «Из Голландии?» — мрачно повторил он. «Да. Мы сейчас в отеле „Гарднер“. „Издалека приехали“, — констатировал он. Его королевский английский акцент сильно раздражал. „Похороны в десять. Церковь Святого Томаса, кстати, через дорогу от вашего отеля“. „Спасибо“, — сказал я, но он уже положил трубку. Кстати. Казалось, что все в жизни Мистера Ле Маршана было простым набором бесцветных фактов. Я чувствовал себя полностью обессиленным. Несомненно, его холодность и неприязнь были следствием предположений, которые он сделал насчет ее амстердамских друзей и ее смерти; когда ее выловили из дока, в ее желудке нашли кучу барбитуратов. На похоронах я представился ее матери и отцу. Ее мать была маленькой, морщинистой женщиной, уменьшенной этой трагедией до практически полного небытия. Ее отец выглядел как человек, чувствующий большую вину за случившееся. Я явно ощущал его ужас и это снижало мое чувство вины за свою маленькую, но решающую роль в смерти Крисси. „Я не хочу лицемерить“, — сказал он. — „мы не всегда находили общий язык, но Кристофер был моим сыном, и я любил его“. Я почувствовал комок в горле и звон в моих ушах; казалось, из воздуха улетучился кислород. Все внешние звуки затихли. Я каким-то образом сумел кивнуть головой и отошел от могилы. Я стоял, содрогаясь от непонимания происходящего, события прошлых месяцев заполнили мою голову. Анна крепко обняла меня и остальные наверняка подумали, что меня переполняет горе. Какая-то женщина подошла к нам. Она была более молодой, подтянутой и красивой версией Крисси... или Криса... „Вы знаете, да?“ Я уставился куда-то вдаль. „Пожалуйста, только ничего не говорите отцу с матерью. Разве Ричард не сказал вам?“ Я отрешенно качнул головой. „Если родители узнают... это убьет их. Они до сих пор ничего не знают о его перемене... Я привезла тело домой. Попросила постричь его волосы, одеть его в костюм. Я дала им денег, чтобы они ничего не рассказали родителям... это причинит лишь большую боль. Он не был женщи-

ной. Он был моим братом. Он был мужчиной. Таким он родился, таким был похоронен. Я не могла поступить иначе, я не хотела страданий тех, кто остался. Вы же понимаете?“ — с мольбой в глазах сказала она. „Крис был в смятении. Здесь у него была полная неразбериха“, — она указала на голову. „Бог свидетель, я пыталась. Мы все пытались. Родители могли свыкнуться с наркотиками, даже с гомосексуализмом. Для Кристофера это все было большим экспериментом. Он пытался найти себя... ты знаешь, как у этих бывает“. Она посмотрела на меня в легком замешательстве, — „я имею в виду, у такого типа людей“. Она стала плакать. Ее одновременно разрывали печаль и ярость. При таких обстоятельствах можно было попытаться поверить ей, хотя что же они пытались скрыть? В чем здесь было дело? Что было не так с обыденной жизнью Криса? Как экс-наркоша я знал ответ на это. Часто в обыденной жизни много чего не так. Да и что такое обыденность, если на то пошло? „Все в порядке“, — сказал я. Она с благодарностью кивнула головой и присоединилась к остальным. Мы долго не задерживались. Нам еще нужно было успеть на паром. Когда мы приехали в Амстердам, я разыскал Ричарда. Он извинялся за то, что втянул меня во все это без предупреждения. „Я недооценил тебя. Крис был в смятении. Ты не был причиной его смерти. Жестоко с моей стороны было отправлять тебя туда без объяснений“. „Нет, я заслужил это. Я был последним дерьмом“, — грустно сказал я. Мы выпили несколько бутылок пива, и он рассказал мне историю Крисси. Нервные расстройства, решение в корне поменять свою жизнь и пол; она потратила большую часть наследства на операцию. Она начала с ввода женских гормонов — эстроген и прогестерон. Они помогли росту ее груди, смягчили ее кожу и уменьшили волосяной покров на теле. Ее мышцы потеряли силу, и распределение ее подкожного жира изменилось, более напоминая женскую структуру. Волосы на лице она удалила электролизом. После этого — операция на ее горле и голосовых связках: в результате у нее исчез кадык и смягчился голос. Курс речевой терапии наладил произношение. Так она проходила три года перед тем, как приступить к самой радикальной операции, которую надо было выполнять в четыре этапа. Пенектомия, кастрация, пластическая реконструкция и вагинопластика, создание искусственного влагалища, построенного путем создания углубления между простатой и прямой кишкой. Влагалище было сделано из тканей, пересаженных с бедра, и было покрыто тканями с полового члена и/или мошонки, чтобы, как объяснил Ричард, получить возможность испытывать оргазм. Форма влагалища была достигнута при помощи специального слепка, который ей пришлось носить в течение нескольких недель. В случае с Крисси операция послужила причиной сильной депрессии, и она начала принимать большие дозы болеутоляющих, что было не самым лучшим выходом, если учесть ее прошлое. В общем, это увлечение и стало главной причиной ее кончины. Он видел, как она выходила из бара рядом с Площадью. Она купила барбитуратов, приняла их, потом была замечена в нескольких барах рядом с каналом. Это могло быть самоубийством или несчастным случаем. Скорее всего, нечто среднее. Кристофер и Ричард были любовниками. Он с любовью говорил о Кристофере, радуясь тому, что теперь он может называть его Крисом. Он рассказал про его амбиции, одержимости, мечты; их амбиции, одержимости и мечты. Нередко они подходили близко к тому, чтобы найти свою нишу; в Париже, Лагуна-Бич, Ибице и Гамбурге; они подходили близко, но никогда достаточно близко. Не евротрэш, а просто люди, хотевшие прожить нормальную жизнь.